

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА РЮРИКА ИВНЕВА

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Анализируется поэзия Рюрика Ивнева 1920–1960-х гг., которая в силу многообразных причин (общественно-политическая ситуация в стране, Великая Отечественная война) приняла публицистический характер. Особенно тщательно рассмотрена поэзия военных лет (доминирующий пафос, тип лирического субъекта, особенности жанра и стиля).

Ключевые слова: имажинизм, торжественный пафос, преобладание рационального начала, синтез эпического и лирического, героизм, самопожертвование

JOURNALISTIC LYRICS RURIK IVNEV

Isaev Gennady G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The paper analyzes Rurik Ivnev's poetry of 1920–1960s that became journalistic due to various reasons (sociopolitical situation in the country, the Great Patriotic War). A particular focus is put on the war period poetry (dominant pathos, type of a lyrical subject, specific features of the genre and style).

Keywords: solemn pathos, dominance of the rational basis, synthesis of epical and lyrical, heroism, self-denial

Рюрик Ивнев с радостью принял февральскую революцию, но как проявление надысторических сил. Основная тема стихов Рюрика Ивнева этого периода – тема России, стоящей в центре мирового революционного циклона. Он видит в действиях стихийных сил пророческое предназначение, которому суждено оказать воздействие на ход мировой истории. В дневнике 10 марта 1917 г. сделана запись: «Всею душой рад революции. Рад свержению Романовых. Они, конечно, к гибели вели Россию. Об этом нет двух мнений» [1, с. 211]. 13 марта 1917 г.: «Я рад, что пала династия Романовых, я в восторге от того» [1, с. 211]. Однако его мучают сомнения по поводу людей. В дневнике он пишет: «Нет ничего ниже человеческой породы. Это самая мерзкая и самая ужасная живая тварь, населяющая землю, потому что в человеке соединены сознательность, которой лишены животные, с обезьяньей пакостностью. Вот уж "пакостные обезьянки" – лучшего названия и не придумаешь для людей» [1, с. 214–215]. В это время происходит его самоопределение – он «всею душой с этими бесчинствующими ордами, с грубыми солдатами (осуждаю их, но понимаю, т.е. могу понять), но только не с этими толстыми "людьми", только не с ними (и "осудить" их не могу, но и понять тоже могу). И, кроме того, чувствую чисто физическое омерзение, глядя на них» [1, с. 220]. Но отвращение к толпе продолжает жить в нем: «Когда я смотрю на толпу людей, мне сейчас же представляется куча муравьев, копошащихся, суесящихся, только муравьев, злобных, хищных, И, право, унижительно даже думать, что Христос мог носить облик человека...» [1, с. 223]. Анализируя свои чувства, Рюрик Ивнев уточняет: «Мне было больно, что так, ни с того ни с сего, я могу ненавидеть человека. (У меня теперь к этой ненависти (тогдашней) прибавляется

жалость.). Его временами пронзает ощущение счастья: «Несмотря на весь ужас, который царствует вокруг, несмотря на унижение русской нации и боль России, как я счастлив, что я – русский и православный» [1, с. 249]. Но главное – ужас от мысли, что Россия погибла: «Хожу, разговариваю, но все мне кажется сном. Не верится в гибель России, а ведь она уже погибла. Никогда я не чувствовал так реально существование России и никогда так не любил ее. Точно толпы озверевших солдат, глупые и пошлые люди и т.п. – это одно, а Россия – совсем, совсем другое, не имеющее вовсе касательства до них...» [1, с. 258]. Мажорное восприятие февральской революции, ожидание перемен к лучшему отразилось во многих стихотворениях. Например, в стихотворении с показательным названием «Старая и новая Россия» читаем:

*Вот стою я – призрак дворянства
У своей гробовой доски.
В душе для загробных странствий
Наспех сложенные возки.*

*Моя смерть – закон неизбежный.
От тебя, Россия, я весь:
И мой голос, фальшивый и нежный,
И моя слащавая спесь.*

*Но я знаю – идет другая,
Вся в огне молотков и станков,
Крепконогая, злая, тугая.
Хитроумных страна мужиков.*

*И пред ней преклоняю колени
Не от страха, не в лести тупой.
О ее колдовстве и раденьях
Размышляю с душевной тоской.*

*О, немногие в этом угаре
Деловой и земной суеты
Слышат запах полуденной гари
Да колдовские видят черты.*

*Скоро будут иные песни
На Руси повсеместно звучать.
Пугачев и Разин воскресли,
И народ их выходит встречать.*

В январе 1917 г. появляется стихотворение, в котором Рюрик Ивнев пророчествует:

*Сквозь дикие чащи
Столетних насилий
К любви настоящей
Подходит Россия.*

Под «настоящей» любовью поэт понимает христианскую любовь, когда врага следует любить так же, как и друга.

В стихотворении «Братанье», обращаясь к солдатам на фронте, он зовет их не бояться братанья. Он убежден, что «есть только один путь *правды* – это молитва за врага» [1, с. 273]. Ему внушает отвращение повсеместное распространение насилия: «Что может быть ужаснее и губительнее насилия? Как вдруг неожиданно открылась передо мной бездна человеческой темноты и

злости. О, если бы кто-нибудь *попробовал* не мстить своему врагу, а тихо поцеловал его: как бы вдруг весь мир вздрогнул и преобразился. Или теперь (в "наш век") нужно что-нибудь *другое*.

*И славьте тех, кто, захлебнувшись кровью,
Вдруг темным сердцем просветлел,
И славьте тех, кто братскою любовью
Врага в собрата превратить сумел.*

Еще в 1916 г. в стихотворении «У окна вагона» лирический герой заявлял:

*Я рвусь к забытым и забытым,
Отверженным, осиротелым,
К живущим иль давно убитым
И до которых людям сытым
И именитым нету дела...*

Этому гуманистическому принципу Рюрик Ивнев остается верным и после революции. Отсюда проклятия в адрес сытых и равнодушных к народным бедам:

*Мелькают тонкие спицы –
Золотые лучи зари,
В чумную пропасть неситесь,
Тираны, злодеи, цари.*

Совсем иначе, как свидетельствует дневник, была воспринята Рюриком Ивневым Октябрьская революция. 5 октября 1917 г. он так передает свое душевное состояние: «На меня напало какое-то одеревенение... никого не жалко, ничего не жалко. Но ведь это не может быть! Это временно! Не могло же мое сердце омертветь!» [1, с. 266]. На другой день состояние не изменилось: «Злоба, апатия, нравственная притупленность, "точно весь в кокаине", ничего не чувствую, ничего не желаю – вот мое душевное состояние. И это в такую минуту. Как стыдно! Как стыдно! Боже мой! Как мне стыдно!» [1, с. 266]. 27 октября 1917 г.: «Положение невероятное, просто фантастичное. Мне кажется, что все это – сплошной сон, что вот сейчас проснусь и увижу солнце, желтые занавески, самовар, людей, обыкновенных, пухлых или тощих, больных или здоровых, а не каких-то бредовых "большевиков", "меньшевиков", "кадетов", "корниловцев", "революционеров", "контрреволюционеров"... Власть в руках Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, из которого все, кроме "большевиков", вышли» [1, с. 266]. А 29 октября, рассуждая о гуманизме, записывает: «Неужели кровь может быть *маслом*, необходимым для работы "государственной (общественной) *машины*? Если *это так*, то наше «общество» – дьявольское наваждение» [1, с. 268]. 30 октября 1917 г.: «У меня стало тяжело на душе. (Какой-то *стыд* за человека и жалость» [1, с. 268]. «И душа – в злобе и ненависти против нарушителей "добра", против всех "зловоленных" групп» [1, с. 268].

По делам своей новой службы как секретарь наркома просвещения А.В. Луначарского Рюрик Ивнев часто бывал в Смольном. Кроме того, он в тот период публиковался в «Известиях ЦИК», редакция которых находилась тоже в Смольном. После начала сотрудничества с большевистским правительством он ощущает свою чуждость новой власти: «Все-таки как я мало понимаю (т.е. совсем не понимаю) "реальную" жизнь: эти лица с резкими чертами, твердые голоса, сапоги, ружья... Ведь если бы я кому-нибудь "из них" сказал хоть 1/100 долю того, что я думаю, т.е. о чем я думаю, о чем волнуюсь, – надо мной бы вдоволь "поиздевались", даже не "поиздевались", а просто бы посмотрели

бы "дикими глазами" и отошли бы...» [1, с. 271]. Бывая в Смольном, он ощущает себя не человеком, а тенью, «и мне между ними нечего делать» [1, с. 271]. Показательно его восприятие Смольного: «В воздухе этого помещения чувствуется какая-то грубая сила. Такой же воздух был в "участке", в "жандармских" комнатах на вокзале и т.п.» [1, с. 271]. У него в это время нет уверенности в том, что октябрьская революция разрешит основные проблемы России, поэтому у него «мучительно и пусто в душе» [1, с. 272]. Но в стихах, опубликованных в газетах тех лет, преобладает иное – мажорное – настроение. Лирический герой счастлив, что он – частица бурлящего народа:

*В ушах еще звучат восторженные крики
Народа. В глазах еще горят веселые огни,
И у трибуны море огневое.
О страсть народная! О смысл великий!
Одну лишь только ветку шелохни –
И затрепещет дерево живое.*

*Довольно! Довольно! Довольно!
Истошно кликушами выть!
Весь твой я, клопочущий Смольный,
С другими постыдно мне быть.
Пусть ветер холодный и резкий
Ревет и не хочет стихать.
Меня научил Достоевский
Россию мою понимать.*

*Не я ли стихами молился,
Чтоб умер жестокий палач,
И вот этот круг завершился,
Россия, Россия, не плачь!*

*Не я ль призывал эти бури,
Не я ль ненавидел застой?
Дождемся и блеска лазури
Над скованной льдами Невой.*

*Чтоб счастье стране улыбнулось,
Она заслужила его.
И чтобы в одно обернулось
Твое и мое торжество.*

1917

Петроград

ПЕТРОГРАД

*Я помню день Октябрьского восстания.
Кипели площади. Дворец был пуст.
С его дрожащих, побелевших уст
Последние срывались содроганья.*

*Дома пылали. Проносились люди.
Чудовищно гремя, броневики
Встречали залпы спрятанных орудий,
И кое-где щетинились штыки.*

*Я помню дым, и небо, и тревогу,
И мост Дворцовый, и веселый шум
Восставших войск, взошедших на дорогу
Гражданских войн, великих дней и дум.*

В дневнике вновь возникает восприятие революции как сна: «А "революция"! Первая, вторая. Сон, сны...» [1, с. 274] и ее оценка «как вторичную попытку построить *Вавилонскую башню*» [1, с. 282]. Тем не менее, Рюрик Ивнев делает выбор – служить новой власти. Возможно, на принятие этого решения частично повлиял Прудон. Поэт в это время читал его книгу «Анархизм». На полях книги он отметил строчку «Кто не будет принадлежать союзу, тот *дикий* и будет стоять [вне закона], *вне его защиты*».

Намечается раздвоение Рюрика Ивнева, что отмечено им самим в дневнике: «...Я все говорю разное (все неискренно), и не потому, что это выгодно, а просто нет охоты быть искренним со всеми» [1, с. 288]. Чуть позже, в 1919 г., он напишет об этом в дневнике со всей определенностью: «Чувствую себя окончательно раздвоенным (прежде эта раздвоенность не так сказывалась). У меня как бы два "я"» [1, с. 399]. Раздвоенность самым непосредственным образом сказалось на его поэзии. Он, с одной стороны, создает стихи пропагандистские, агитационные, направленные на утверждение новой власти и ее идеологии. В 1918 г. в журнале «Знамя» № 27 он напечатал стихотворение «Огонь священных коммунистов», посвящённое А.В. Луначарскому:

*Когда я вижу коммунистов
И слышу их живую речь,
Не в силах душу уберечь
От их огня, а он неистов.*

*Он жжёт мне грудь. Глаза слепит.
Он очищающею бурей
Несётся по земной лазури.
Он чудеса с людьми творит.*

*Он нас уносит от позора,
От лжи и мрака прежних дней,
И мрак уходит всё скорей
И свет волшебный брызнет скоро.*

*От лжи, позора и вражды
Источник дивный и целебный –
О, этот свет, о, свет волшебный
Коммунистической звезды!*

*Душа дрожа к нему несётся
И в этом свете свет души,
Как солнца луч в лесной глуши
По мокрым листьям нежно вьётся*

*О, как он ярок и неистов,
Огонь божественных идей,
Огонь божественных лучей,
Огонь священных коммунистов.*

С другой стороны, он создает подлинную лирику, раскрывающую трагедию человека и России в эпоху революции и гражданской войны (книга «Солнце во гробе»). В дневнике обозначается начало движения к полному приятию Советской власти. 25 декабря 1920 г. он записывает: «8-ой съезд советов меня приводит в какой-то блаженный восторг. Какое невероятное счастье – быть свидетелем этих изумительных исторических дней. И Ленин – весь – это музыка. Лучшего о нем и не скажешь. Он звенит, звучит. Да, да, про него можно сказать: *музыка будущего*» [1, с. 409]. О XII съезде РКП: «Ленин – все» [1, с. 421]. Однако настороженное отношение к Советской власти сохраняется. 5 мая 1921 г. появляется запись: «Часть не может быть больше

целого. Коммунизм не может быть окончательным словом мировой истории. Мировая история – целое. Коммунистическое движение – часть, поэтому коммунистическое движение не может быть больше мировой истории, не может ее *поглотить*» [1, с. 412]. 16 мая 1923 г. *сообщает* о разговоре с Б.Ф. Малкиным, который сравнивал большевиков с фашистами и весьма критично высказывался о большевиках. Вывод автора: «Все это показывает, насколько большевистская организация близка по своему методу к иезуитской» [1, с. 426].

12 апреля 1923 г.: переписывает фрагменты речи Троцкого, который высоко оценивает роль Ленина в истории [1, с. 416]. Интересуется эпохой Петра I, в которой находит нечто общее с современностью [1, с. 418], делает выписки из книги Е.Р. Дашковой. 14 мая 1923 г.: «...вчера особенно почувствовал, что Советские идеи вошло вот уж именно "в плоть и кровь" народа» [1, с. 425].

Под воздействием увлечения идеями коммунизма круто меняет свои творческие планы. 25 апреля 1923 г. задумывает книгу «Добро и зло при свете коммунистического солнца» (Книга о морали, этике новых людей нового, будущего общества) [1, с. 419]. Сообщает о плане фантастического романа «Через тысячу лет»: Земля – цветущий сад, во всем мире восторжествовал научный коммунизм. Вся энергия людей, направлявшаяся прежде к убийству и уничтожению, направлена на завоевание природы и победы над временем и пространством [1, с. 423].

Поэзии Рюрика Ивнева в целом присуща одна характерная особенность, общее для всех стихотворений качество. В основном это была поэзия логической мысли, поэзия публицистическая. Образу (в значении элемента поэтики) не придавалось в ней существенного значения.

В творчестве Рюрика Ивнева обозначается стратегия пропагандистской лирики, в которой звучат мотивы, совершенно противоположные тем идеям, которые формулируются в это же время в дневнике. Он восславляет необходимость революционного насилия, пролития крови:

*Я смотрю на страшные картины
В галерее двадцати веков –
Мне не страшен скрежет гильотины,
Мне не жаль отрубленных голов.
Принимаю девственным сознанием,
Принимаю сердцем и умом
Все когда-то бывшие восстанья,
Старый мир бросающие на слом.
И восстанья, что в народе зреют,
Чтоб остатки прошлого снести.
Как святые помыслы, лелею
На еще не пройденном пути.
Не играйте теплыми словами –
Милосердью не бывает в душе,
Если, как на блюде, перед нами
Умирают люди в шалаше!*

Свое восхищение Лениным он выразил в стихотворении «Ленин», в котором в традициях агитационной поэзии 1920-х гг. максимально идеализирует Ленина. Ленин указывает путь движения России к новой жизни, он не отходит от руля:

*Нам путь указывает Ленин,
Не отходящий от руля.
Уже сверкает в отдаленье
Обетованная земля.*

От имени народа лирический герой клянется быть верным идеям вождя, заявляет о готовности перенести все муки и страдания, о стремлении «драться до самой смерти горячо»:

*Мы примем на себя все муки
Холодных дней, голодных зим.
Но стяг родной в чужие руки
Мы никогда не отдадим.
Во имя равенства и братства
Народов, скованных еще,
Без передышки будем драться
До самой смерти горячо.*

В стихотворении «У гроба Ленина» (1924) звучит:

*И в тысячах статей и книг
Умы, как птицы будут биться,
Чтоб этот гениальный лик
Мог людям снова повториться.
Его поймут два существа:
Дух коллективного поэта
И овдовевшая планета,
Чей вечный траур – синева.*

Лирическому герою представляется, что желаемое счастливое будущее уже рядом:

*Уже сверкает в отдаленье
Обетованная земля.*

Тема Ленина проходит через все творчество Рюрика Ивнева. В конце жизни появляется стихотворение «Ленину 1917 года», в котором мифологизация Ленина достигает максимума. Ленин объявляется совестью мира, его имя «путеводной звездой над нами горит»:

*Было время: не знал я ни Маркса, ни Канта
И о жизни по Ленину только судил,
Я старался по мере ума и таланта
Делать все для того, чтобы он победил.*

*Все смешалось теперь: и события, и даты,
Книги, митинги, толпы людей и дома,
Гул берлинских бульваров, и наши солдаты,
И на небе октябрьского солнца кайма.*

*Годы мчатся, как звуки по волнам эфира,
Не сгибаясь, мы шли от зари до зари.
Имя Ленина, ставшего совестью мира,
Путеводной звездой над нами горит.*

В стихотворении «Время, остановись...» Рюрик Ивнев позиционирует себя как человека, который «видел Ленина своими глазами»:

*Время, остановись на одно мгновенье!
При свете звезд, как при свете свечей.
Я вспоминаю, как гениальный Ленин
Произносил одну из своих речей.*

*Ко впитал зрачками его движенья,
Кто впитал движенья до самого дна,
Не забудет непередаваемого мгновенья
И октябрьского исторического полотна.*

*Быстролётного времени смертоносное пламя
Сжигает одного за другим, как гроза,
Тех, кто видел собственными глазами
Эти незабываемые глаза.*

*Я Ленина видел своими глазами
И с этим виденьем иду сквозь года.
Сожжет и меня быстролётного времени пламя,
Но этих часов не сожжет оно никогда.*

В 1981 г. Рюрик Ивнев печатает отрывок из поэмы «Семнадцатый год», который он посвятил XXVI съезду КПСС. В нем все освящено именем Ленина, без него революция была бы невозможной:

*Но то, что казалось почти невозможным,
Свершилось. И час революции грянул.
И Ленин, пронизанный болью народной.
Взошел на корабль и стал капитаном.*

Воссоздавая отдельные фрагменты истории Октября, показывая эпизоды деятельности большевиков, поэт завершает фрагмент своеобразным гимном революции:

*О, эти взмыленные ночи,
Как кони мчались в даль и снег,
И понял в Октябре рабочий,
Что он не раб, а человек.*

Мажорное настроение лирического героя и народа, от имени которого он выступает, присутствует и в стихотворении «Новая песня рабочих»:

*Наши старые песни звучали
Как бессильный порыв возмущенья.
Ядовито враги хохотали.
Вражий хохот рождал в нас презренье.*

*Враг иные мотивы изведal.
Страх врага – это наша услада!
Дунул ветер борьбы и победы,
Запыlали огнем баррикады.*

*Дней дождались мы гордых и славных.
Враг раздавленный горько стенает.
Потому так торжественно, плавно
Наша песня гремит трудовая.*

Пропагандистская лирика Рюрика Ивнева со временем становится все более риторичной и дидактичной, нередко поэт в поэтической форме просто излагает тезисы очередного партсъезда, как это имеет место, например, в стихотворении «Стальной корабль». В капитане корабля легко узнается тогдашний руководитель партии и государства – Сталин. Пафосно лирический герой призывает:

*Затаи дыханье и слушай речи,
Насыщенные музыкой цифр,
Произнесенные – они уже вечны,
Как вечен молодости порыв.
Завершается стихотворение прославлением капитана:
С улыбкой смотрит капитан на брызги,
Спокойно дышит капитанская грудь.
За ним страна, шестая часть света.
К доселе невиданным берегам
Ведет он корабль.
– Историк, заметь! –
На гордую радость грядущих столетий,
На горе беснующимся врагам.*

Многие стихи Рюрика Ивнева могут быть отнесены к так называемым стихам «на случай» («Испанскому народу», «Убийцам Карла Либкнехта», «У гроба Орджоникидзе», «Песня о дрейфующей льдине», «Валерию Чкалову» и др.

В стихотворении «Убийцам Карла Либкнехта и Розы Люксембург» (1919) он безоговорочно осуждает клику убийц выдающихся революционеров, называет их «жалкими безумцами» и предрекает им скорый «народный суд»:

*Безумцы жалкие! Пролит их кровь святую,
Не остановите народного суда.
Он ваш развеет прах! От вашей рабской выи
Он не оставит и следа.
Вам не помогут подлости тупые,
Что помогали в прежние года.*

В стихотворении 1936 г. «Испанскому народу» выражена поддержка испанцам, борющимся против фашизма, лирический герой заверяет, что СССР всемерно поддерживает «ненавидящего рабство народ»:

*Не отбросишь к средневековью
Ненавидящий рабство народ.
Знай, с тобою спаян любовью,
В ногу СССР идет.*

У двух народов единая цель – «над фашизмом победа – / Путеводной звездой горит».

В стихотворении, посвященном памяти умершего Орджоникидзе, акцент делается на любви советского народа к Орджоникидзе, на единстве народа перед лицом смерти выдающегося руководителя:

*Одной большой советскою семьей
Мы гроб Орджоникидзе окружили,
Но даже флаги с траурной каймой
В своей печали говорят о силе.

В народных массах бьется пульс Серго,
Горячий, страстный и неукротимый,
И лучшим памятником будет для него
Мощь и богатство Родины любимой.*

В стихотворении «Песня о дрейфующей льдине» восславляется подвиг советских ученых, «героев науки»:

*Народ не забудет о славной године.
Средь льдов от весны до весны
К дрейфующей льдине, к папанинской льдине
Прикованы взоры страны.*

Стихотворение «Валерию Чкалову» написано в 1938 г. в связи с гибелью замечательного летчика. Лирический герой вновь выступает как выразитель чувств и мыслей огромной страны:

*Сердце биться перестало
В пору самых лучших дней.
Ты погиб, Валерий Чкалов,
Гордость Родины моей.*

*Знаем: у страны прекрасной
Много сильных сыновей,
Вырастая ежечасно,
Мы становимся сильней.*

*Но порою ум смолкает
И лишь сердце говорит,
О тебе, как мать родная,
Наша Родина скорбит.*

Особая часть поэзии Рюрика Ивнева – стихи периода Великой Отечественной войны («Мать бойца», «Партизану», «В освобожденном городе», «Памяти друга», «Мы – в Берлине», «Девятое мая» и др.). Пафос защиты Родины, охвативший всю страну, требовал от писателей повышенной действенности, непосредственного вмешательства в дело достижения победы. В это время Рюрик Ивнев штатный сотрудник Закавказского военного округа, газеты «Боец РККА». Для военных лет характерны обращения поэта к темам современной действительности, рост патриотического чувства, раздумья о судьбах родины, эмоциональные обращения к читателям («Красной Армии», «Бакинское утро», «В госпитале», «Киев наш», «Письмо солдата» и другие стихи. В лирике военных лет четко дают о себе знать две тенденции – психологизация и предельная обобщенность лирического чувства и идеи. В 1942 г. В Тбилиси издает книжку «Пионер, даешь металл!», в 1943 г. – сборник стихов «Моя страна», в 1944 г. – «Знамя гвардии». Патриотический настрой чувствуется буквально в каждом стихотворении. В стихотворении «Отчизна» (1941) воспевается любовь героя к Родине:

*Пусть все пройдет и высохнут моря,
Материки исчезнут, словно тени,
А ты сверкай, яснее янтая,
Любовь к Отчизне, полная волнений.*

*Прошедшего нельзя восстановить,
Оно придавлено, как плитами, веками,
Но мир поймет, что нет сильней любви,
Чем та любовь, что жгла меня, как пламя.*

*Пусть все пройдет и высохнут моря,
Материки исчезнут, словно тени,
А ты сверкай, яснее янтая,
Любовь моя, сквозь толщу поколений.*

Обращаясь к бойцу (стихотворение «Бойцу», 1942), поэт зовет разить врага «убийственно и метко», напоминает ему о великих предках, которые когда-то отстояли Россию от врага:

*Не отдадим мы Родины прекрасной
Тевтонским варварам на поруганье.
Вперед, боец! Минует день ненастный,
Твой штык зажжется солнечным сияньем.*

*Боец, ты помни всех великих наших предков –
Суворова, Кутузова, Багратиона.
Рази ж врага убийственно и метко,
И враг поникнет, в сердце пораженный!*

В стихотворении «Сталинград» (1942) поэт славит подвиг советских солдат, отстоявших город на Волге. Он называет их «богатырями», а немцев – «врагами проклятыми»:

*Слава вам, богатыри родные,
Шли вперед вы, жизни не щадя,
Развернув знамена боевые.
Славный город – гордость всей России.
От врагов проклятых отстояв.*

Он создает настоящий гимн во славу Красной Армии:

*Все, что подымает человека,
Лучших чувств порывы, доблесть, честь,
Все в тебе, несущей четверть века
Славу нашим городам и рекам
И победы радостную весть.*

*От страны своей неотделима,
Ты народов наших кость и плоть,
Всем народам трепетно любима,
Бьешь врагов своих неумолимо,
Но тебя врагам не побороть.*

*Гордо реет ленинское знамя,
Не один у нас в стране герой,
Мы гордимся славными делами,
Сам Главнокомандующий с нами
И народ – великий и родной!*

Нередко стихотворения строятся на сочетании двух планов – приземленно-бытового и возвышенно-героического. Так построено стихотворение «Киев наш» (1943), в котором лирический герой, услышав, что «Киев наш!», неожиданно для себя заплакал («Слезы счастья брызнули из глаз»). Бытовой факт приобретает в стихотворении обобщенный характер:

*«Киев наш!» – услышал я нежданно,
Идя в гору, в предзакатный час.
Вот он, миг чудесный и желанный
Слезы счастья брызнули из глаз.
Каждый школьник скажет без запинки:
– Капле влаги долго не прожить, –
Но вот эти теплые слезинки
Я навек хотел бы сохранить,
Чтоб всегда, подумав о России
Непередаваемых времен,
Вспоминать, как древний город Киев
Из полна был освобожден.*

Откликаясь на актуальные вопросы военных лет, лирика Рюрика Ивнева не исчерпывалась военной темой и находилась на переходе к философскому осмыслению жизни. Характерное для нее слияние общественно-социальных мотивов с пафосом становления солдата-героя являлось одной из главных особенностей его поэзии тех лет. Вместе с тем отметим, что во время войны поэт еще не мог создать целостный образ защитника Родины. Были намечены лишь контуры героя, обозначены лишь самые общие, типовые черты. Но девиз «За победу!» возобладал в лирике Рюрика Ивнева, сообщив ей энергию и нравственную бескомпромиссность. Эти черты свойственны, например, стихотворению «Защитнику Родины»:

*В глубины сердца проникая взглядом,
Порою вижу самый нижний слой.
Не обольешь ты ближнего ни ядом,
Ни желчью, ни язвительной хулой.*

*Ты прост и чист, разумен и спокоен,
Обветренный, пропахший целиной.
Тебя вовек тяжелый запах боев
Не захлестнет удушливой волной.*

*Вот где истоки мужества, и славы,
И доблести моей родной страны.
Вот почему в сражениях кровавых
Мы так несокрушимы и сильны.*

*Иди ж вперед путем победы славной,
Бесстрашный воин, благородный друг.
Я жму с любовью — знаю, нет ей равной —
Ладони теплые пропахших дымом рук.*

Социальная активность личного чувства — главная черта лирического героя, стремящегося всесторонне охарактеризовать советского солдата. Он у Рюрика Ивнева в непрерывном действии, он всегда рядом со своими героями, поэтому прекрасно их понимает. В стихотворении «В госпитале» (1943) герой-поэт, читая «среди раненых бойцов», познал простую, «как воздух, ветер, синеву», истину. Его внимание привлёк боец-узбек, который почти не понимал по-русски:

*Но понял я, что в нем пылало,
Что было вихрем взметено,
Какая буря огневая
Преобразила речь чужую
То было: Ленин и Москва.*

*Могло ли сердце не согреться,
И он припомнил отчий дом,
Но, чтоб родные видеть сени,
Не надо уноситься в дали
И плыть в любимые края.*

*Как в детстве — скрип не той же ль дверцы,
Не те же ль листья за окном?
В саду не те же ль птицы пели?
Хоть здесь узбекского не знали,
Но здесь — была его семья.*

В стихотворении «На поле боя» лирический герой опять рядом с раненым бойцом и говорит с ним о самом главном:

*С боем идут вперед войска,
Но ты не идешь в поход.
Красною змейкою кровь у виска.
Чуть улыбается рот.*

*Кто не слышал сирены вой,
Кто не знавал беды?
Приподымись. Глаза открой,
Выпей глоток воды.*

*Солнце скользнет по твоим волосам,
Ветер боль унесет.
Ты хорошо понимаешь сам,
Что Родина – это все.*

Обращаясь к солдату, лирический герой рассказывает о себе, о своей старости, о жизни в тылу, подчеркивает, что он не наблюдатель:

*Борюсь пером, как танками танкист,
Как пушками боец-артиллерист,
Как волею страны Советской житель.
Я был в Берлине как простой турист,
Ты будешь в нем как воин-победитель.*

Интонации Рюрика Ивнева разнообразны: торжественный пафос смягчается тонким лиризмом, иногда легкой иронией, как, например, в стихотворении «Алексею Маркову» (1944):

*Лицо веселое, простое,
Но искра Гегеля и канта
Тревожит сердце молодое
Под гимнастеркою сержанта.*

*В глазах огонь великоросса,
Но, игнорируя Сократа,
Он хочет сразу все вопросы
Решить с упорством нумизмата.*

*В объятьях не найдет покоя,
Не каждой деве скажет «санта».
И бьется сердце молодое
Под гимнастеркою сержанта.*

*Судьбы своей никто не знает.
Как и движенья линий фронта,
И в лазарете он читает
Случайный том Огюста Конта.*

*И чувство нежное, живое
Бурлит, клокочет, как у Данта,
Кто понял сердце молодое
Под гимнастеркою сержанта?*

Поэт стремится раскрыть психологию сражающегося солдата осветить ее светом подлинного искусства, хотя его стихам и свойственна была некоторая наивность, предельная нравственная категоричность. Пафос Рюрика Ивнева не сводился к апофеозу будущих победителей. Его стихотворения преисполнены сочувствия к человеку, который воюет, жертвует собой, живет надеждой на встречу с любимой. Об этом стихотворение «Письмо солдата» (1944):

*Здесь – орудийные раскаты,
Неистовствует пулемет,
И я почувствовал внезапно,
Как мне тебя не достает.*

*И, силясь превозмочь пространство,
Я отдаю тебе, как дар,
Души солдатской постоянство
И сердца яростный пожар.*

*И мысль сознание осенила
В ночной тревожной тишине,
Что в тот же час с такой же силой
Ты вспоминаешь обо мне.*

К теме любви во время войны Рюрик Ивнев обращается очень редко, можно сказать, что она находится на периферии его лирики. Если же она все-таки возникает, то для того, чтобы оттенить основную тему – тему мужества и героизма советских людей. Например, в стихотворении «В освобожденном городе» (1944) лишь в финале обозначается мотив любви, оттененный мотивом страдания:

*Было ли это иль только приснилось?
Где вы, взметенные бурей года?
В этом же городе сердце забилося
Так, как не билось еще никогда.*

*Это ль не мука, это ль не горе,
Камни и те притулились, скорбя,
Этот же город, это же море,
Этот же воздух, но без тебя.*

*Мне старики рассказали об этом –
Темною ночью тебя увезли.
Где же теперь ты, любимая, где ты?
Муки какие тебя извели?*

Диалектическая взаимосвязь личного и коллективного, проявившаяся в лирике Рюрика Ивнева военных лет, сказалась и на жанровой природе его произведений, на сюжетной специфике, на единении лирического и эпического начал. Само повествование несло у поэта мощный лирический заряд. Живое участие автора в подобных стихотворениях было очевидным. Поэт беседовал со своими героями, говорил о них и о себе «мы», выступал в роли как бы «со-героя». Показательно стихотворение «Сыну партизана, замученного фашистами», в котором повествователь готов принять на себя «горькую муку» мальчика:

*Я сжимаю твою полудетскую руку –
В дни боев и она охраняла наш тыл.
Я приму на себя твою горькую муку,
Чтобы ты улыбался и горе забыл.*

*Но страна за тебя никогда не забудет
Ни сестер полоненных, ни гибель отца.
С материнской заботой всю жизнь она будет
Охранять и лелеять героя-бойца.*

*Заменю ли тебе я отца-патриота?
Нет, родного отца заменить не смогу.
Но любовью своей залечу твои раны,
Боль твою никогда не прощу я врагу.*

В другом стихотворении «Партизану» лирический герой остро переживает, что не смог быть рядом с партизанами, хотя мысленно он всегда был рядом с ними:

*Ты мне говорил про дела партизанов
В далеких от нас белорусских лесах,
И жгли меня муки и тяжкие раны,
И стрелки на ваших смертельных часах.*

*Я с вами вгрызался в сырую конину,
Лечил молоко свой опухший язык,
И, руку сжимая бойцу-осетину,
Пытался сдержать свой восторженный крик.*

*Но он прорывался в улыбке невольной,
У нас было общее пламя в глазах.
Хоть всюду не мог быть, но все же мне больно,
Что не был с тобою я в Брянских лесах.*

В стихотворении «Памяти друга» (1944) лирический герой ощущает вину перед другом и всеми солдатами, которые во время войны проходили через страшные испытания и муки:

*Прости меня за теплое дыхание,
Которым был, как солнцем, я согрет.
В те дни, когда костром пылали зданья
И мир стонал от ужасов и бед.*

*Прости, что я не замерзал ночами
И над убитыми не рыдал навзрыд,
Что полумертвым не скрывался в яме
И что не грыз в беспамятстве коры,
Что я не полз на животе к вокзалам,
Вдоль пулями изреченных стен.*

(...)

*Прости меня за все мои улыбки, –
Я их не раз бездумно расточал,
За музыку кошунственную скрипки,
Которую я слушал по ночам.
Что за тобою я скользил лишь тенью,
Свое существование не губя,
Прости за то, что я прошу прощенья,
Сам не простивший до сих пор себя!*

Стихи Рюрика Ивнева – не «литература факта», не стихотворные очерки. На первом плане не факт сам по себе, а человек, его трудная, но благородная жизнь, не только торжество правого дела, но и те духовные затраты, ценой которых оно дается.

В «Песне о герое», посвященной бойцу-орденоносцу Георгию Сванидзе, содержится призыв гордиться и помнить о подвиге солдата, во время боев утратившего правую руку:

*Он выполнил воинский долг до конца,
Был ранен, не вышел из строя.
Никто не забудет про подвиг бойца
И сердце его огневое.*

*Не все ли мы чувствуем до одного –
Гордиться им будут и внуки.
Пожмите же левую руку его,
Его уцелевшую руку.*

Лирика Рюрика Ивнева периода войны, утверждая самые высокие идеалы, обретала социально-политический характер. Раздумья поэта о смысле бытия, о высоком предназначении человека всей своей художественной логикой противостояла нивелирующей силе фашизма. Поэт создает яркий и цельный образ современника – хранителя фронтовых традиций. Чаще всего советский солдат рисовался не в романтическом освещении, наоборот, поэт подчеркивал будничность своего героя. Тем не менее, он монументален: он плечом подпирал боевую эпоху, спасал от гибели детей, женщин, стариков. Таков герой стихотворения «Рядовой»:

*Не вчера ли каркал черный ворон?
Не вчера ль был дом его сожжен?
Сколько раз освобождал сестер он
И с мужьями разлученных жен?*

*Мы прошли тяжелый путь страданья,
Прежде чем настало торжество.
Вся страна взволнованным дыханьем
Согревает молодость его.*

*Он идет уверенно. Спокойно
И не думает, что он – герой.
По фигуре молодой и стройный,
А по званию – просто рядовой.*

Поэт выделял общетипическое в своих героях, оно-то и преисполнено высокой романтики. Произведения поэта имели большую значимость, автор обнаружил обилие частных технических находок (монтаж, смена общих и крупных планов, пластические ходы). Однако строгие ограничения, которые накладывал агитационно-публицистический жанр, не давали возможности отразить жизнь во всем ее многообразии.

О вечной памяти о безвестных героях Рюрик Ивнев пишет в пронзительном стихотворении «Безвестному герою»:

*Склонись, склонись мятежной головою,
Остановись на берегу реки,
Здесь прах лежит безвестного героя,
Что пал в бою от вражеской руки.*

*Кругом поля и небо голубое,
Как музыка, родная льется речь.
Узнает ли потомок место боя,
Следы былых ожесточенных сеч?*

*Но никого природа не обманет,
Забьется сердце, позабыв века,
И пред глазами светлый образ встанет,
Слезой отуманенный слезка.*

*На берегу, среди полей и в чаще,
Средь шума волн, и в песне, и в тиши,
Он вечно с нами, друг наш настоящий,
Свет наших дум и пламенной души.*

На день победы Рюрик Ивнев откликнулся двумя стихотворениями, оба называются «Девятое мая». Первое, видимо, было предназначено для публикации в официальной прессе. Поэтому в нем торжествует сугубо формальное восславление торжества с обязательным упоминанием Сталина:

*Много песен я слышал средь гор и долин,
Но не слышал такой величавой.
Это песня о том, как народ-исполн,
Наш советский народ в дни суровых годин
Оведал свою родину славой.*

*Это песня о том, как великий народ,
Вдохновенный порывом единым,
Шел под знаменем Ленина гордо вперед
За свои полководцем любимым.*

Эвфемизм «полководец любимый» не оставляет сомнения в том, кто имеется в виду.

Второе стихотворение более человеческое, акцент сделан на изображении простых людей, с радостью встречающих возвращающихся с фронтов солдат:

*Жена бойца встречает мужа снова,
Героя-сына обнимает мать.
А тех, кто жизнь отдал борьбе суровой,
Мы будем благодарно вспоминать.
Мы строим жизнь с любовью вдохновенной,
Нас воля партии ведет вперед.
Навеки славою нетленной
Себя прославил наш народ.*

Примыкает к этим стихам стихотворение «Мы – в Берлине», проникнутое духом историзма и памятью о былых победах русского оружия:

*В Берлин мы входим не впервые.
Шумит победный шелк знамен.
Пусть помнит грозный меч России
На нас поднявший меч тевтон.
Крепка в победу наша вера,
И мы несем ее в сердцах.
Еще Суворов офицером
В берлинских побывал стенах.*

Стихи военных лет Рюрика Ивнева не разностильны, а выполнены в одной манере, т.е. чувства как бы приведены к общему знаменателю. Это существенная особенность лирики поэта военной поры. С одной стороны, миропонимание поэта становится цельным и философски масштабным. Расширяется исторический диапазон его поэзии. С другой стороны, усиливается драматическая напряженность каждого стихотворения. В жанровом отношении наблюдается дальнейшее раскрепощение: пройдя путь освоения многообразных явлений советской действительности, поэт приходит к более свободному проявлению субъективных чувств и оценок. Поэт остался в стороне от бесплодного противопоставления лиричности и публицистичности, что было характерно для некоторых поэтов. Своим творчеством он показал, как богаты возможности лирических форм в отображении и исследовании жизни народа на войне.

О роли повествователя в стихах Рюрика Ивнева можно сказать следующее: он присутствует в стихах и как действующее лицо. Это он ведет разговор с потомками, утешает сына погибшего партизана, стоит рядом с раненым бойцом и зовет его преодолеть боль и встать в ряды воюющих солдат. Общность поэта с его героями во многом и определила жизненность и действенность солдатской музыки поэта.

Боец, лишившийся правой руки в бою, сейчас склоняется над картой Родины, касаясь ее чуткой рукой, и его воспоминания, как и рассказ повествователя, контрастируют с пейзажами цветущей страны, доносят до сердец читателей тревогу века. Она завладевает и поэтом, по старой привычке готового к сражениям. Выступая на Первом съезде писателей, А. Сурков определил социалистический гуманизм как гуманизм мужественный. Этим качеством и отличалась лирика Рюрика Ивнева, воспитывавшая высокие патриотические чувства и подготавливавшая к трудным испытаниям войны.

Являясь целостным организмом лирика Рюрика Ивнева периода Великой Отечественной войны отразила важнейшую тенденцию развития творчества поэта. В ней были найдены новые формы синтеза объективного повествования с лирически монологом: поэт становился участником происходящего и как действующее лицо прошедших событий, и как незримый свидетель, умудренный опытом пережитого. Двойное измерение придало изображению объемность: история входила в современность в неповторимо индивидуальном психологическом преломлении. Изменения в мировосприятии поэта под воздействием войны обогатили его словесную палитру: внесли большую конкретность в его поэзию, вернули свежесть и непосредственность, придали аналитическую остроту его стихам.

В последующие годы Рюрик Ивнев пишет о борьбе за мир («Песня о мире»), создает почти мемуарную поэму («Семнадцатый год»), снова вспоминает Ленина («Время, остановись...», «Ленину 1917 года», «О Ленине все хочет знать...»), создает посвящения («Есенина нет...», «Валентину Сорокину», «Михаилу Ельпидифорову» и др.), пишет патриотические стихи («Россия»).

Список литературы

1. Рюрик Ивнев. Дневник. 1906–1980 / Ивнев Рюрик. – М. : Эллис Лак, 2012.

References

1. *Rjurik Ivnev. Dnevnik. 1906–1980* [Rurik Ivnev. Diary. 1906–1980]. Moscow, Jellis Lak publ., 2012.